Текст · 25 марта 2025, 08:05
Алла Константинова, Дмитрий Швец, Павел Васильев, Елена Дымова,

«Я собирался защищать то, что было мое и было у меня». Последние слова пленных украинцев в военном суде в Ростове-на-Дону. Часть 2

Краткое содержание

- Исходно в деле было 24 фигуранта. Все они в разное время и на разных должностях служили в «Азове», признанном в России террористической организацией. Многие никогда не держали в руках оружия или уволились из армии задолго до начала полномасштабной войны.
- Все обвиняются в насильственном захвате власти (часть 4 статьи 35, статья 278 УК) и организации деятельности террористической организации (часть 1 статьи 205.5 УК). Кроме того, части подсудимых вменяют прохождение обучения для террористической деятельности (статья 205.3 УК).
- Прокуратура запросила для обвиняемых сроки от 16 до 24 лет лишения свободы, для всех мужчин — в колонии строгого режима.
- Двоих украинских военных — Давида Касаткина и Дмитрия Лабинского — обменяли до начала суда; еще один, Александр Ищенко, умер в СИЗО.
- В сентябре по обмену вернулись на родину девять украинок, служивших в «Азове»: восемь поварих и кладовщица. Тех из обвиняемых, кто подпал под обмен, в России продолжают судить заочно.
- «Мемориал» признает всех фигурантов дела политзаключенными.

Ярослав Ждамаров

Кинолог, служил в «Азове» с 2015 по 2019 год. Обвинение запросило для него 23 года лишения свободы

External embed

https://soundcloud.com/mediazona/poslednee-slovo-plennogo-ukraintsa-yarosla

Чтобы не иметь проблем с законом, не нужно его нарушать. Это простая, понятная логика, которой придерживается каждый. Которой придерживался и я. Вот только этот процесс говорит об обратном. Я, не нарушая законов Российской Федерации, оказался на скамье подсудимых.

Чтобы понять это, поставьте себя на мое место.

Я, как и вы, жил в родном городе. Как и вы, был на службе государства. Как и вы, был законопослушным гражданином. Так случилось, что мой или ваш родной город оккупировали. Меня или вас взяли в плен и спустя полгода-год написали закон[I],

который определяет мою или вашу бывшую службу до увольнения преступлением против человечества задним числом.

Ну как вы на моем месте? Как можно соблюсти закон, который еще не написан? Что мне остается сказать? Со своей стороны я сделал все возможное.

Во-первых, я не делал ничего преступного. Ни во время службы, ни после. Включая особо благоприятный для этого период в феврале 2022 года. Сам факт моей службы, былой службы, не является преступлением.

И чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на законы, Конституцию и список террористических организаций Российской Федерации, действующий в период моей службы.

Я уволился со службы задолго до того, как ее заклеймили преступной задним числом. Что, в свою очередь, говорит, что моя служба не была преступной ни по существу, ни по намерениям, ни по законам Российской Федерации.

И в конце концов, я сообщил о былой службе, несмотря на опасность и риск. А как бы поступили вы на моем месте? А как должен был поступить любой законопослушный гражданин? Никак иначе, кроме как по закону.

Ровно так, как поступил я, сообщая о былой службе сотрудникам лагеря для беженцев, я надеялся найти как минимум здравый смысл, как максимум — правосудие.

А сейчас мне страшно. Мне страшно, господа. Но не перед правосудием. Мне страшно, что здесь, в зале суда, я могу не найти ни того ни другого.

Александр Мероченец

Александр Мероченец. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Командир гранатометного отделения, служил в «Азове» с 2018 по 2022 год. Обвинение запросило 23 года лишения свободы

Выступление Мероченца в суде длилось больше часа, оно публикуется в сокращении.

Я действующий военнослужащий, который был взят в плен, а впоследствии был задержан. Прокурором было сказано, что у подсудимых нету статуса военнопленного, хотя среди нас есть действующие военнослужащие.

В нашем случае, увы, так получилось, что произошел между двумя нашими странами военный конфликт, но даже в войнах надо придерживаться каких-то правил. Любой может поставить себя на мое место. Если вы попадаете в плен, вас задерживают, соответственно, любой бы хотел, чтобы придерживались международных правил, которых люди давным-давно договорились придерживаться, если будут какие-то войны.

При этом у тебя нет никаких военных преступлений. Следователи, оперсотрудники все проверили, проверяли тщательно и фактов этого не выявили. Из всего обвинения, которое есть в мой адрес, — это непосредственно участие в подразделении (естественно, мы несем службу) и также статья 278 УК РФ[2] — о том, что я непосредственно был намерен нанести ущерб конституционному строю РФ и населению РФ.

Хотя был задержан возле территории города Мариуполь. На тот момент это уже были боевые действия полноценные. До них это была [территория] полностью подконтрольная администрации Украины. И как в моих намерениях могла оказаться какая-то угроза для конституционного строя и народа Российской Федерации, если я был задержан на территории Украины, ДНР? Называйте как хотите, но по факту я был задержан на территории, которая под администрацией РФ не находилась.

Если бы я был задержан в какой-то области Российской Федерации, конечно, вопросов нет. Тут уже я могу наносить ущерб. Но я был задержан

на территории Украины. О каком ущербе для Российской Федерации может идти речь?

Как человек военнослужащий, я понимаю, что на всех нас лежит ответственность, обязанность перед собственной родиной. Мы люди подневольные и выполняем приказы, которые нам поступают сверху.

Говорить о том, что нас готовили к тому, чтобы напасть, какое-то там вторжение — смешно.

Началось «СВО», боевые действия начались. 24 февраля, ночь. У меня дом находился недалеко от КПП как раз, мы с моей гражданской супругой... Четыре утра. Мы повскакивали, кто был в чем, успели кинуть элементы защиты на себя. Подождали, пока прилеты, взрывы закончатся.

Все понимали, что лучше подготовиться, но реально этого [угрозы войны] никто не видел. Заехал домой, теща успела купить крестик. [С сослуживцами] общались в мессенджерах, [нужно было занять] локацию и ждать распоряжения.

Я еще с 2014 года запомнил: если боевые действия идут к тебе, желательно от них уехать. Не ждать, не цепляться за четыре стены, а брать самое ценное и покидать эту зону боевых действий. [Но] я действующий военнослужащий, а обязанность военнослужащего, когда нападают на страну, — оборонять страну. Меня воспитали так, что мужчина должен служить. Что я и делал. Я не переступил ни сантиметра границы своего государства, я оборонял родину, где жил, учился, создавал семью.

И следствие мне вменяет статьи, которые я считаю несоразмерными.

[Начались] хаотичные обстрелы [Мариуполя], полное уничтожение, зачистки в городе. [Мы с сослуживцами] оттягивались, потом заняли завод Ильича. В ходе хаотичных боев сложности с управлением были, электроника сажалась, связи не было.

Хаотичные урывки информации доходили до личного состава, от одного к другому, и принимались решения.

Распоряжение 3 марта для морпехов — выходить из окружения к союзным войскам. В ходе боевого столкновения и задержания на меня был накинут мешок, перевязаны руки. И дальше было путешествие в мешке, просто ждал, когда соблюдение правил начнется.

Мы шли группой, в наших действиях нет совершенного преступления. Преступление, получается, в том, что мы защищали Родину и выполняли приказы.

Я попросил бы вас, уважаемый суд, обратить внимание, что в планах было защитить границу собственного государства. Я собирался защищать то, что было мое и было у меня. То есть абсолютно здравое правило жизни в общем. Мы не группировка какая-то там, которая терроризирует, как ИГИЛ, запрещенный в Российской Федерации. Мы — военное формирование с определенными

функциями, которое выполняло свою задачу. У меня на этом все.

Алексей Смыков

Алексей Смыков. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Служил в «Азове» с 2018 по 2022 год, взят в плен после ранения. Гособвинение запросило 23 года лишения свободы

Я буду краток. Я защищал Родину, выполнял долг перед Отечеством. Надеюсь на справедливый суд, но если учитывать все пережитое мною с момента попадания в плен, абсурдные обвинения меня в захвате власти, терроризме, то на справедливость суда остается мало надежды. И только оправдание меня в сложившейся ситуации может являться справедливым и законным.

Олег Мижгородский

Олег Мижгородский. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Бывший командир автомобильного взвода «Азова», уволился в 2021 году. Воспитывал пятерых несовершеннолетних детей, четверо из них — приемные. Гособвинение запросило 22 года лишения свободы

Уважаемый суд, мне, бывшему военному, который не участвовал в «СВО» и разорвал контракт в 2021 году, сторона обвинения запросила 22 года.

Хочу заметить, что действующего военного <нрзб>, которого взяли в плен возле «Азовстали», который является водителем заправщика, осудили на 5 лет и 6 месяцев.

Еще раз хочу подтвердить: действующему военному, который является военным силовой роты, где я проходил службу и уволился, был водителем... Были также действующие военные, которые сдавались в плен в «Азовстали», которые являются тоже военными тыла, ремрота, были осуждены и получили сроки по шесть лет.

Также были осуждены военные[3], которых взяли в плен в Курской области. Они были осуждены за расстрел разных мирных и получили срока 15–17 лет.

Интересно, что я такого сделал, что мне хотят дать 22 года? Моя вина, скорее всего, из-за того, что я родился, жил, вырос и работал в стране, которая называется Украина.

Еще в донецком СИЗО, когда меня вызывали в СКР и когда они меня выслушали, пожимали только плечами. Ответ был один: «Ты не должен быть здесь,

но такие у нас указания». Также, когда нас возили на подписание дел в августе месяце, следователь сказал, что его мнение: я тоже не должен быть в СИЗО, но такие указания — всем украинцам давать такие статьи и не смотреть ни на какие факты.

Здесь, в суде, защитники задавали вопрос: кого здесь судят? Подсудимых или «добровольческую военизированную организацию "Азов"»[4]? Хочу еще раз подчеркнуть: ни один подсудимый, в том числе и я, в ней не участвовали. Был дан ответ, что подсудимых [судят]. Но в обвинении нет ни одного доказательства моей вины.

Я знаю, мои слова ничего не значат и ничего не могут изменить, но я еще раз хочу повторить все факты. Так как опровержение фактов со стороны обвинения не предоставлено.

Очень надеюсь, что уважаемый суд и их учтет, когда будет выносить приговор. Все эти факты были исследованы в суде. Я не являюсь действующим военным. Я разорвал контракт официально еще в 2021 году, а предпринимал попытку уволиться еще в 2019 году, о чем мы подробно говорили на суде. В «СВО» я не участвовал. Меня обвиняют, что я насильственно захватывал власть и удерживал ее.

Я подписывал контракт с 12-й бригадой Национальной гвардии Украины в/ч 3057 в 2016 году. В это время были подписаны и действовали Вторые минские соглашения. Определена линия разграничения; город Мариуполь, согласно этим соглашениям, оставался под властью Украины. Там действовали законы Украины, нигде Мариуполь

не был прописан как временно оккупированный Украиной.

Его статус как территории ДНР не признавался ни Российской Федерацией, ни Украиной, ни Минскими соглашениями. Таким образом, никакой власти ДНР, которую мы могли бы захватить и удерживать, не существовало. Тем более я жил и работал за тысячу километров[5] от Донецкой Народной Республики.

То, что я подписывал контракт с НГУ[6] в/ч

3057, а не неким «добровольческим батальоном», подтверждается заверенной копией моей трудовой книги, имеющейся в материалах дела. Также там имеется разрыв: подтверждается, что я разорвал, именно разорвал контракт.

Также там же указано, что я работал водителем после увольнения из Нацгвардии в/ч 3057, а до 2016 года я работал в городе Чернигов водителем фирмы «Антарес». В совокупности это еще раз доказывает, что ни к каким насильственным действиям по захвату власти я отношения не имею и не мог иметь.

Также меня, водителя, обвиняют в руководстве террористической организацией, а точнее ее структурным подразделением, как я понимаю, авторотой.

Но я проходил воинскую службу по контракту Национальной гвардии в в/ч 3057, а не в некоем добровольческом батальоне или полку. Ни Национальная гвардия, ни в/ч 3057 не были определены как террористические организации ни в Донецкой Народной Республике, ни в Российской

Федерации на тот момент, когда я проходил там воинскую службу. В/ч 3057 входит в структуру НГУ и является структурным подразделением Вооруженных сил Украины как государства.

В ходе суда стороной обвинения демонстрировались видео и зачитывались другие доказательства обвинения. Ни одно из этих доказательств ко мне не относится. 90% доказательств относится к периоду, когда меня не было еще в Мариуполе и не могло быть.

Я проходил службу в тыловом подразделении Национальной гвардии Украины, я был водителем автобуса, который курсировал по определенному маршруту, согласно путевым листам, которые были выданы частью 3057 Национальной гвардии Украины и заверены командиром части и зампотехом части.

Все, кто ездил на место жительства в город Мариуполь, это подтверждали — как из зала суда, так и свидетели. Организационными действиями я не мог заниматься и не занимался, для этого было руководство. В моем случае это был заместитель по тылу или тот, кто его заменял.

Была постоянно нехватка кадров. Никто в очередь в Национальную гвардию Украины, в/ч 3057, не стоял, как подумал эксперт Васьков[7]. При этом все поручения водителям давал заместитель по тылу, или кто оставался на прямой [связи]. У меня не было ни организационных, ни распорядительных полномочий. Сторона обвинения не предоставила мою должностную инструкцию и не привела ни одного свидетеля, который бы подтвердил, что я

давал ему указания или что я занимался чем-то другим.

Также обвинение указывает, что я испытываю политическую ненависть и национальную вражду. Ну, когда мы ездили подписывать документы в Донецке, я не видел — мне следователь зачитывал, но я не слышал даже такого, чтоб у него это было в обвинении... Откуда оно взялось, я не пойму.

Но я еще раз утверждаю, я родился еще в СССР. В школе преподавали два языка: русский и украинский. Никакой вражды я не испытываю и не испытывал, так как я сам общаюсь на этом языке. Я раньше жил в городе Чернигов и Черниговской области. Древний город, еще Киевской Руси. На границе есть памятник «Три сестры» в честь трех народов: Беларуси, России и Украины. До 2014 года раз в год, на День молодежи, собирались представители всех трех стран и праздновали. Все друг друга понимали, общались, никакой вражды не было. Я там часто бывал, и было много знакомых, как из России, так и с Беларуси.

Мой усыновленный сын Вячеслав 2018 года рождения, его родной отец — житель Донецкой Народной Республики. Мне напомнили: была свиданка с супругой, и она сказала, что не просто житель он был, а был военным в Донецкой Народной Республике. Мне это было тогда известно, и я вам сейчас еще раз подтверждаю: когда мы его усыновляли, почему-то у меня не было никакой вражды по национальному или политическому признаку. И он называл меня своим отцом и до сих пор им считает. Письма пишет, пытается по крайней мере.

Хочу заметить еще раз, Вячеслав — инвалид с детства. У него проблемы с почками и проблемы с глазами. Ему нужно еще операцию делать — хотели сделать в 2022 году, но все помешало, так до сих пор и не сделали.

Обвинение указывает, что в результате обысков по месту жительства были найдены фотографии и иные документы, свидетельствующие о принадлежности к полку «Азов». В доме, где меня задержали, проверяли все дважды, при этом испугали сильно детей, но ничего не нашли.

Из «террористических» фотографий к делу приобщены с моей страницы в сети «Одноклассники», на которых я обнимаю свою жену. Если это и есть доказательство моего участия в террористической организации, тогда все, кто фотографируется в обнимку со своими родными, их тоже можно считать террористами. Если это так, то мне больше нечего к этому добавить.

Сторона обвинения говорит, что никто не уволился по собственному желанию. Но это неправда: и я, и еще несколько подсудимых добровольно уволились из воинской части 3057 Национальной гвардии Украины. До задержания мне были предоставлены условия, чтобы уволиться. Они рассчитывали, что я буду еще задержан на год-полтора. Но я выполнил их еще быстрее, и был уволен — этого я добился[8].

В судебном заседании были допрошены подсудимые, которые подтвердили, что я пытался уволиться по собственному желанию. Также была опрошена свидетель, сотрудница отдела кадров, которая подтвердила, что я неоднократно подавал рапорта с просьбой уволить меня с военной службы; эти рапорта были отклонены. Сторона обвинения этого не отрицает, но я все равно разорвал контракт с Национальной гвардией Украины, в/ч 3057, даже если для этого мне пришлось пойти на увольнение по несоответствию, так называемый пункт «д», который гласит, что я не имею права носить военную форму после увольнения. Это тоже подтверждает копия трудовой книги, хотя у меня была возможность перевестись в другое подразделение Национальной гвардии Украины, а не увольняться по несоответствию — нормально дослужить и нормально уволиться.

С жителями Мариуполя у меня были хорошие и даже дружеские отношения. В материалах дела есть характеристики, данные мне по месту жительства, от соседей. Нет ни одного доказательства моей вражды по политическому или национальному признакам. Можно было еще добавить характеристики и рекомендации, данные мне с опекунского совета — их

там много, потому что мы проходили очень много инстанций, чтобы усыновить детей.

Олег Мижгородский в суде. Фото: «Медиазона»

Также в донецком СИЗО в ходе незаконных методов следствия я получил травму ноги, теперь я калека. Мне очень тяжело передвигаться без костыля. Я уже два года и пять месяцев борюсь за сохранение ноги. В Донецке мне хотели ее ампутировать — я отказался. В МОТБ-19[9] уже тут, в Ростове, хирург сказал тоже,

что ее надо было ампутировать, что заживление без профессионалов будет очень долгим и растянется на годы.

Еще он сказал, что если бы я не был гражданином другой страны, то при такой ноге я бы сто процентов давно уже получил инвалидность. Чтобы сохранить ногу, мне нужна помощь профессиональных медиков, мне нужна чистка раны и пересадка кожи.

Просто прошу суд учесть, что у меня пятеро несовершеннолетних детей на иждивении. Один из них — инвалид с детства. Выше я говорил, что биологический отец Вячеслава является жителем Донецкой Народной Республики.

Я не отрицаю, что я проходил военную службу по контракту в Национальной гвардии в Украине, воинской части 3057. Я подписывал контракт в

начале 2016 года — откуда мне было знать, что 21 июня 2016 года Донецкая Народная Республика признает «добровольческую организацию батальон "Азов"» террористической? С указанным решением суда ДНР я не знаком до сих пор. Но, как известно, военная часть Национальной гвардии Украины в/ч 3057 в нем не указана как террористическая.

Я жил в городе Мариуполе, а по украинским телеканалам и радиостанциям не сообщалось о решении судов ДНР. О существовании некоего решения суда РФ я узнал, когда уже находился в СИЗО города Донецк.

И еще. Я недавно узнал, что заочно осудили командира отдельного отряда специального назначения «Азова» Прокопенко Дениса. Его обвинили и осудили по совсем другим статьям. То есть действующий командир отдельного отряда специального назначения был осужден по совсем другим статьям, чем в которых нас обвиняют.

У него не было ни статьи 278 УК, свержения власти и насильственного захвата, ни одной статьи 205 УК, то есть террористической организации и террористов. Выходит один вывод: что Донецкая Народная Республика, если б она признавала, что Национальная гвардия Украины является террористической… По их же бумажке, что они там признали террористами… Если б они признавали, то командира отряда специального назначения Нацгвардии Украины, я думаю, прежде всего судили бы по этим статьям.

Уважаемый суд, мне бы хотелось еще раз подчеркнуть: я гражданин Украины, я не вступал в «добровольческие военизированные организации» — ни террористические, никакие другие. Я служил по контракту в вооруженных силах своей страны — в Национальной гвардии Украины, в/ч 3057. Я разорвал контракт в 2021 году.

Говорят, по российским законам я должен был сообщить об этом в правоохранительные органы. Но над городом Мариуполем развевался желто-синий флаг, там была украинская власть. Куда я должен был сообщать, кому? Как только в район, в котором я проживал, вошли военные Российской Федерации и зашли ко мне в дом, я сказал, что я служил в Национальной гвардии Украины в в/ч 3057, за что меня сразу и забрали.

Я был военным в своей стране, потом — гражданским. Никаких захватов или удержания власти я как водитель автобуса не совершал и не мог совершить. Прошу суд принять единственно законное решение, снять с меня все обвинения и освободить в зале суда, отпустить к своей семье и детям.

Адрес для писем:

344064, Ростовская область, Ростов-на-Дону, ул. Тоннельная, д. 4, ФКУ СИЗО-5 ГУФСИН по Ростовской области

Ждамарову Ярославу Владимировичу 1993 г. р.

Мероченцу Александру Александровичу 1999 г. р.

Смыкову Алексею Владимировичу 1996 г. р.

Мижгородскому Олегу Дмитриевичу 1979 г. р

Вместе с ними приговора в СИЗО-5 ожидают Гребешков Артем Сергеевич 1993 г. р., Грецкий Артур Олегович 2002 г. р., Грицык Анатолий Петрович 1976 г. р., Жарков Олег Владимирович 1971 г. р., Ирха Александр Васильевич 1979 г. р., Мухин Александр Александрович 1993 г. р., Тимонин Никита Геннадьевич 1995 г. р. и Тышкул Олег Николаевич 1969 г. р.

Работает сервис «Зонателеком».

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Имеется в виду признание «Азова» террористической организацией.

2. Насильственный захват власти.

3. Сергей Попович и Павел Стасюк, осужденные в марте 2025 года по делу о теракте (пункты «а», «в» части 2 статьи 205 УК). По версии обвинения, они мешали эвакуации мирных жителей и стреляли в них.

4. Формулировка обвинения. Позиция подсудимых заключается в том, что такой части просто не существовало, а в/ч 3057, в которой они служили, была подразделением Нацгвардии Украины, а не «добровольческой организацией».

5. До 2016 года Мижгородский жил в Черниговской области.

6. Национальной гвардией Украины.

7. Ростовский социолог Максим Васьков давал показания в суде как специалист по Украине.

8. Мижгородского обвинили в краже топлива и перевели в штрафную роту. Он оставался должен части более 200 тысяч гривен и, чтобы расплатиться за недостачу, продавал имущество.

9. Ростовская межобластная туберкулезная больница № 19 ФСИН.